

Е.Г.ЭТКИНД И ЕГО «БАРСЕЛОНСКАЯ ПРОЗА»

© 2012 В.Ш.Кривонос

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья посвящена авторскому анализу комментария А.И.Солженицына на автобиографическую новеллу Е.Г.Эткинда.

Ключевые слова: западноевропейская литература, незаконченная «Барселонская проза» Е.Г.Эткинда.

В книге Е.Г.Эткинда, выдающегося филолога, историка западноевропейских литератур, теоретика и практика художественного перевода, «Барселонская проза», писавшейся в годы эмиграции и оставшейся незаконченной, есть автобиографическая новелла «Другой». Автор передает в ней свою реакцию на комментарий А.И.Солженицына, поведавшего, как весной 1972 года «риском и находчивостью двух евреев», одним из которых был Е.Г.Эткинд, он, «русский писатель в русском памятное время при «русских вождях», попал в Таврический дворец и смог посмотреть «зал заседаний Думы и места февральского бурления»¹. Что же так взволновало Е.Г.Эткинда в этом, казалось бы, вполне благоприятном по отношению к героям рассказа признании? «Оказывается, я всегда был для него – *другой*. Он – русский писатель, а Давид Прицкер и Ефим Эткинд – *два еврея*, помогавшие ему. Мы, посторонние, чужие, свидетели, помогли ему – коренному участнику, русскому по крови, своему» (433).

Так больно задевшая мемуариста фраза была воспринята им как словесно-психологический жест, обнаживший неприятно поразившее его отношение к нему и к его другу, в которых писатель увидел всего лишь *евреев*. На первый взгляд, в отношении А.И.Солженицына к «двум евреям» очевидна не столько настороженная отчужденность, сколько благожелательная отстраненность, вовсе не исключающая признательности тем, кто помогал ему осуществить миссию *русского* писателя. Можно даже заметить, что характерная для фольклорного образа еврея высокая степень *чужести*² сменилась у А.И.Солженицына не просто нейтральным в смысле оценки, но вполне позитивным признаком *другого*. А дело все в том, что в национально-историческом мифе писателя, резко акцентировавшего собственную

русскость (в противовес советской ментальности «русских вождей»), евреям, как с горестью обнаружил Е.Г.Эткинд, было отведено место *посторонних*, хотя из *чужих* они превратились у А.И.Солженицына в *других*.

Но Е.Г.Эткинда, находившегося долгие годы в дружбе с А.И.Солженицыным, ранит совсем не эта метаморфоза. Он ведь вовсе не считал себя *другим*, на что имел, как искренне полагал, полное право. И потому в неожиданном определении «два еврея» увидел фигуру отторжения: «Солженицын не понял – да и не может, вероятно, понять, – что само по себе представление о том, что еврей – *другой*, посторонний, свидетель, а не участник по причине *крови*, что уже это представление является проявлением антисемитизма» (434). И далее: «Нет, не два еврея помогали русскому писателю. Странно, что Солженицын не увидел солидарности тех, кто причастен к культуре, не оценил независимой от состава крови потребности интеллигенции к взаимоподдержке» (434 – 435).

Действительно ли в комментарии А.И.Солженицына проявляется расовый антисемитизм или же не имеющая ксенофобской подкладки убежденность, что евреи в России неизбежно остаются именно и только евреями? Но Е.Г.Эткинд ведь как раз настаивает на своей принадлежности к русской культуре, что более значимо для его самосознания, чем национальное происхождение. Евреем же он сознает себя (по крайней мере, в ситуации, когда ему напоминают о *составе крови*) только в ответ на антисемитизм, аномальность которого ясна ему и как еврею по происхождению, и как русскому интеллигенту по мироощущению.

В «Записках незаговорщика», впервые вышедших в Лондоне в 1977 году, Е.Г.Эткинд вспоминает о заседании бюро Ленинградского обкома, где обсуждалась *диверсия*, обнаруженная в его вступительной статье к сборнику «Мастера русского стихотворного перевода»: «...даже сейчас, воспроизводя мой собственный ход мысли, я стыжусь за себя: почему же я, даже не говоря этого вслух, позволил себе согласиться с тем, что Мандельштам, Пастернак, Маршак, Эренбург – всего лишь евреи? Они еще и деятели русской культуры, они русские писатели, как и я, будто

⁰ Кривонос Владислав Шаевич, доктор филологических наук, профессор. E-mail: vkriwonos@gmail.com

¹ Эткинд Е.Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. – СПб.: 2001. – С. 433. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.

² См.: Белова О.В. «Другие» и «чужие»: Представления об этнических соседях в славянской народной культуре // Признаковое пространство культуры. – М.: 2002. – С. 70 – 81.

бы сколачивающий из них особую «группу» еврейских переводчиков. Все мы – евреи по крови, евреи для расистов, для антисемитов, для дикарей» (125).

Государственный и бытовой антисемитизм глубоко оскорбляет Е.Г.Эткинда, как бы слабо ни ощущал он в себе собственно еврейское начало: «Автор этих строк – еврей «по крови», но ни язык, ни культура, ни образ мыслей не отделяет его от России Пушкина и Толстого, Блока и Мандельштама» (259). Еще раз подчеркнем, что Е.Г.Эткинд видит себя не просто русским евреем, а носителем комплекса черт, присущих исторически сложившемуся типу русского интеллигента. Такого рода *русифицированность* была свойственна не персонально Е.Г.Эткинду, но вообще значительной части советских евреев. И дело было не только в том, что окружающая реальность, сугубо отрицательно окрашивая для них этническую идентификацию, в качестве наиболее приемлемой стратегии поведения предлагала путь ассимиляции и аккультурации³. Главным и определяющим было твердое сознание внутренней причастности к русской культуре.

Одной из причин преследования Е.Г.Эткинда со стороны властей было написанное им «Открытое письмо молодым евреям, стремящимся в эмиграцию»: «В 1974 году меня уволили из Института им. Герцена, обвинив, помимо прочего, в открытом письме молодым евреям, где я призывал их не уезжать, а бороться за равноправие и свободу дома, в пределах своего языка и своей культуры» (460).

В «Записках незаговорщика» Е.Г.Эткинд воспроизводит возможный ход мыслей профессора Н.М.Александрова, своего коллеги и давнего знакомого, которого ректор побуждает выступить с осуждением автора *воззвания к еврейской молодежи*: «К чему же он ее призывает? Уезжать в Израиль? Воевать с арабами? Нет, оказывается... призывал Эткинд молодежь «не покидать Советского Союза»... Молодец, Эткинд, правильно призывал, давно пора сказать этим юношам и девушкам, что, уезжая в Израиль, они покидают свою страну и свою культуру...» (59). А в «Барселонской прозе» цитирует и комментирует заявление поэта М.Дудина на заседании секретариата Союза писателей, что «...в письме Эткинда молодым евреям «самое отвратительное – национализм, от него пол-локтя до фашизма. Этот сионизм лезет из каждой строки». Явная нелепость: в письме я убеждал молодых евреев не уезжать в Израиль, не стремиться к чужой свободе, а бо-

роться за свою собственную у себя дома. Такую позицию можно было назвать антисоветской, но никак не сионистской – ведь она открыто полемична по отношению к сионизму» (439).

Призыв к молодым евреям не эмигрировать (то есть не репатриироваться в Израиль: другой возможности покинуть страну у евреев просто и не было⁴) исходил от одного из поколения ассимилированных «отцов», избравших путь слияния с русской культурной почвой. Этот призыв раздался в то время, когда в среде еврейской молодежи заметно усилились эмиграционные настроения⁵. Те из поколения «детей», для кого значимой становилась собственная еврейская идентичность, стремились уехать на историческую родину, чтобы реализовать там свои национально-культурные и национально-религиозные устремления⁶. У них было иное, чем у поколения «отцов», видение *дома*.

Письмо Е.Г.Эткинда, еврея и деятеля русской культуры, включенное властью в список его главных прегрешений, было, несомненно, продиктовано благими соображениями. Но так получалось, что он и его предполагаемая аудитория говорили на разных языках. Автор письма, и в позднем комментарии не освободившийся от мифического представления о сионизме, оставляет за скобками тоску «детей» по исторической родине, суть их борьбы за право быть евреями.

Е.Г.Эткинд предпочитает говорить не о еврейском *уходе*, а о вынужденной эмиграции и насильственном изгнании участников *русского* культурного процесса: «Впрочем, делить людей на евреев и неевреев нелепо; уезжают деятели русской культуры, кем бы они ни числились в паспорте» (258). Но и к нему приходит ясное понимание причин, толкающих в эмиграцию еврейскую молодежь: «Уезжают евреи, – те, кто сами считают себя евреями и видят свой жизненный долг в строительстве государства Израиль» (260). Хотя к отъезду побуждало евреев не только острое национальное самосознание: «Уезжают и другие: те, кто верит в свои духовные силы и знает, что на родине эти силы развернуть не уда-

⁴ Тем более что советской идеократией не признавались неотчуждаемые права и свободы человека, в том числе право каждого покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну. См.: Всеобщая декларация прав человека // Права человека: Основные международные документы. – М.: 1989. – С. 138.

⁵ Дашевский В., Чернин В., Яглом В. Иудаизм в СССР // На пути к свободе совести. – М.: 1989. – С. 461.

⁶ Так вновь повторялась в истории российских евреев ситуация конфликта ассимилированных «отцов» и «детей», не испытывавших чувства психологической раздвоенности и не принимавших ассимиляцию как свой путь. См.: Проскурина В.Ю. Молодые годы Аарона Штейнберга (Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911 – 1928). – Париж: 1991) // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 236 – 238.

³ См.: Фурман Д.Е. Массовое сознание российских евреев и антисемитизм // Уроки Холокоста и современная Россия. – М.: 1995. – С. 77 – 79; Юхнёва Н. Между традиционализмом и ассимиляцией (о феномене русского еврея) // Диаспоры. – М.: 1999. – № 1. – С. 172.

стся. Отделы кадров на работу их не берут. В аспирантуру их проваливают, хотя заведомо ясно, что они созданы для научных исследований. На конгрессы не пускают. Их книги стараются не публиковать («звук чуждый» – на переплете!)» (262).

Как ни сопротивлялся отъезду сам Е.Г.Эткинд, изгнанный с работы и лишенный ученых степеней и званий, пришлось и ему выехать по израильской визе, поскольку наступил момент, когда оставаться было «...и губительно, и бесполезно» (263). Хотя Е.Г.Эткинд и называет себя «агностиком, очень далеким от всякого сионизма...», но для своих гонителей он был, как ему пришлось убедиться, прежде всего евреем «...по крови, по фамилии, по прирожденной чуждости» (447). Между тем его личным выбором была верность русской культуре и стране, где он к этой культуре, ставшей для него *своей*, навсегда приобщился. Из Вены Е.Г.Эткинд отправляется в Париж, чтобы продолжить и свою профессиональную деятельность, и свое служение русской культуре.

Во «Вступлении» к «Запискам незаговорщика» содержится важное для его нравственной позиции признание: «Я мог позволить себе рассказать многое, чему был свидетелем и чего оказался жертвой. И все же я смотрю на события, происходившие в Советском Союзе, не извне, а изнутри, и рассказываю обо всем не для того, чтобы обвинять мою страну. Она моя, и другой у меня нет» (19). И все же только взгляд *изнутри* не мог не ограничивать авторский кругозор. В «Барселонской прозе» подобный взгляд, корректируемый и травмой вынужденной эмиграции, оборачивается порой явным прекраснотворением: «Понять Дудина значит понять гнусную и прекрасную эпоху, в которую мы с ним жили» (441). То, что эпоха осуществленной утопии, эпоха массового террора и концлагерей названа «гнусной», понятно и не требует комментария. Но была ли она «прекрасной»?

Самоотождествление со «страной» (без уточнения, имеется ли в виду географическая территория, культурное пространство, историософский образ или правящий режим), которую он продолжал считать «моей», вызывало у Е.Г.Эткинда вполне объяснимое чувство ностальгии. Но психологически наиболее адекватным ситуации, в которой он оказался, было испытанное им чувство стыда; позже он напишет, что «испытывал стыд за Россию» (452). Стыд не только за тех коллег, кто принял участие в травле, за малодушие и равнодушие тех знакомых, кто отвернулся в час постигшей его беды, но и за свою «страну»⁷.

⁷ Это чувство стыда, по признанию Б.Ф.Егорова, видного литературоведа и человека редкого благородства, раз-

деляли с Е.Г.Эткиндом и те, кто, оставаясь на родине, вместе с ним тяжело переживал горечь расставания: *Егоров Б.Ф.* Люди, нелюди и полулюди (памяти Е.Г.Эткинда) // *Егоров Б.Ф.* Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. – Томск: 2001. – С. 411.

В «Барселонской прозе» Е.Г.Эткинд тепло вспоминает о друзьях своей юности, с которыми его сближала вера в *интернационалистскую утопию*⁸: «Мы выросли, испытывая великолепное презрение к национальным предрассудкам» (427). Для Е.Г.Эткинда и его круга главным было чувство дружеской общности, исключавшей национальную обособленность или национальное высокомерие: среди его друзей «...были евреи, но разве еврейство кого-нибудь тревожило или даже просто интересовало? В нашей компании евреев были и русские... но и они не ощущали различий – евреи для них не были *другими*» (427). Правда, у евреев и не было возможности почувствовать и ощутить себя евреями: «Советские люди в тридцатые годы не разделялись на национальные группы» (428). Евреям следовало быть такими, как *все*, и забыть о своем еврействе. Как напоминают историки, именно в это время как раз усиливается «...процесс этноцида советских евреев, то есть лишения их любых форм национальной культурной и общественной жизни»⁹.

Показной интернационализм официальной идеологии табуировал тот факт, что еврей в тоталитарном государстве, каким бы ни был его статус, переставал быть евреем: «Гиллельс, Ойстрах, Гольдштейн поощрялись партией, несмотря на их «неблагозвучные» фамилии: они поддерживали миф о советском социализме как земле обетованной для культуры» (308). Однако *паспортные* знаки национальной принадлежности именитых соплеменников сами по себе мало что значили для «еврейских мальчиков» (427): «В пору нашего студенчества еврейские фамилии советско-русских интеллигентов были знамениты во всем мире... Меньше всего мы воспринимали их как евреев; для нас все они были гордостью советской страны, российской культуры...» (428). Так формировалась характерная двойственность самосознания советских евреев, которым окружающая действительность не давала забыть, какая национальность записана в их паспортах¹⁰.

⁸ Имеется в виду идеологический миф, «...на котором воспитывались дети и юношество в 20-е и особенно в 30-е годы» (*Маркиш Ш.* Бабель и другие. 2-е репринтное издание. – М.; Иерусалим: 1997. – С. 203).

⁹ *Дашевский В., Чернин В., Яглом В.* Иудаизм в СССР // На пути к свободе совести: Сб. статей. – М.: 1989. – С. 457.

¹⁰ Ср. анализ причин подобного рода двойственности в книге, посвященной творчеству советских писателей-евреев: «При разном уровне личной ассимилированности все они считали своей родиной Россию. Они были привязаны к ее земле, ее природе, ее народу, ее культуре, сохраняя при этом еврейскую самоидентификацию. Это

Познакомившись с дневниками Виктора Клемперера, немецкого ученого-филолога, еврея по происхождению, протестанта по вероисповеданию и немца по мироощущению, в деталях описавшего, что значило быть евреем в нацистской Германии, Е.Г.Эткинд не случайно почувствовал некую общность судьбы: «...его в Германии, меня в советской России преследовали, травили, изгоняли за еврейство. Разница в том, что его *называли* евреем, жидом, заставляли носить желтую звезду на рукаве, вешать над звонком в квартире тот же «моген-давид»; я никогда ни от кого слова «еврей» не слышал – оно заменялось разными синонимами, вроде «космополит», «сионист», «беспаспортный бродяга», «антипатриот»» (447).

Общность судьбы обнаруживалась и в том, что каждый из них «...по-своему настаивал на принадлежности к окружавшей его культуре» (460). Как В.Клемперер, испытывая после 1933 года острые сомнения в собственной *немецкости*, продолжал считать себя частью немецкого народа, так Е.Г.Эткинд, по его словам, «...утверждал то же самое относительно моей приверженности русской культуре» (461). Эту свою приверженность не только культуре, но и стране, которую его заставили покинуть, он подтверждает цитатой из авторского вступления к «Запискам незаговорщика».

Так создается в мемуарной прозе Е.Г.Эткинда автобиографический образ русского еврея, не тяготящегося собственной ассимилированностью и искренне чувствующего себя *своим* в русской культуре. Отсюда и резкое неприятие им солженицынской фразы. Ведь *другим* или даже *чужим* он привык быть только для власти, приближавшей к себе лишь особо *ценных* евреев, кто обнаруживал готовность, подобно Я.Эльсбергу, теоретику и историку литературы по профессии и *патологическому подлецу* по характеру (123), или А.Дымшицу, такого же рода спецу по литературе и карьеристу по убеждению (395), обслуживать аппарат репрессий и прислуживать режиму¹¹. Вот почему так поразившее и удивившее его определение «два еврея» показалось Е.Г.Эткинду проявлением антисемитизма. Тем более неожиданным, что речь не просто о выдающемся писателе, но о непримиримом борце с тоталитарным строем – строем, намеренно

внедрявшем антисемитские предрассудки и стереотипы в сознание людей.

В мемуарной прозе Е.Г.Эткинда антисемитизм осмысливается и как форма массового психоза, нагнетавшегося официальной пропагандой, запугивавшей население просками «космополитов» и кознями «врачей-убийц», и как способ самоактуализации режима, эволюционировавшего в сторону идеологии «крови и почвы». Отсюда особый интерес автора к *процессу отторжения* советских евреев и их превращения в *других* и в *чужих*.

Начало этого процесса Е.Г.Эткинд датирует 1939 годом, временем сближения сталинского Советского Союза с гитлеровской Германией, когда «...проявились первые (фактические) запреты и ограничения для носителей еврейских фамилий: дипломатия (с нее началось), физика, военная техника, высокие армейские должности» (428). Следующим этапом были годы войны, которая «велась за чисто российские ценности, за православную веру, за Святую Русь...» (429). Затем пришла пора массовой истерии 1948 – 1953 годов, вылившейся в настоящий антисемитский террор (430)¹².

И далее в советской истории, по свидетельству Е.Г.Эткинда, видоизменялись лишь формы и методы государственного антисемитизма, но «антисемитские настроения» никогда не переставали «мутным потоком» разливаться «в нашей стране» (259). Они могли приобретать то уголовную окраску, когда судили в 1964 году, обвинив в тунеядстве, Иосифа Бродского (39), то политическую, как это было в 1968 году, когда «...еврейский вопрос встал особенно остро», так как официальная пропаганда именно «сионистов» объявила зачинщиками «пражской ереси» (127), то идеологическую, как в 1974 году, когда стряпали «дело» самого Е.Г.Эткинда.

предопределяло неизбежную двойственность их национального самосознания» (*Гензелева Р.* Пути еврейского самосознания (Василий Гроссман, Израиль Меттер, Борис Ямпольский, Руфь Зернова). – М.; Иерусалим: 1999. – С. 12).

¹¹ Необходимо сказать и о том, что в осуждении Е.Г.Эткинда приняли участие – кто из страха, а кто и из идейной солидарности с гонителями – и некоторые коллеги-евреи, что, видно, призвано было закамуфлировать антисемитский характер травли.

¹² В «Записках незаговорщика» Е.Г.Эткинд пишет о ситуации безмолвия, сопровождавшего массовое изгнание «...из университетов и театров евреев-ученых, евреев-артистов, евреев-преподавателей», среди которых был и такой выдающийся филолог, как В.М.Жирмунский, изгнанный из Ленинградского университета «за космополитизм (то есть за еврейство)» (37). В «Барселонской прозе» воспоминание об этой затронувшей и его самого «волне террора» заново и еще более остро переживается мемуаристом: «В центре внимания на этот раз были евреи: повсюду их травили, называли «беспаспортными бродягами», безродными космополитами, антипатриотами, – все эти бранные определения служили синонимами слова «жид» (372). Ср.: «Чуть ли не официальный статус получает с конца 1940-х годов и антисемитизм. Проявлявшийся уже и в 1930-е годы, он расцветает махровым цветом именно в послевоенный период» (*Азадовский К., Егоров Б.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 36. – С. 88). См. подр.: *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. – М.: 2001. – С. 310 – 350.

Обозначенный им процесс отторжения определил этапные моменты его собственной биографической истории, советский период которой, ознаменованный увольнением в 1949 году из ленинградского Института иностранных языков «...с доцентской должности – «за ошибки космополитического характера»» (374)¹³, завершился через двадцать пять лет после этого достопамятного события изгнанием не только с профессорской теперь должности, но и вообще из страны.

Уже во время войны, по наблюдениям мемуариста, евреи стали *другими*, поскольку не могли быть носителями русского патриотизма; после войны они оказались не просто *другими*, но «...единоверцами и единоплеменниками «врагов нашей страны, нашей партии, наших идей» (430). Историческую драму советского еврейства Е.Г.Эткинд объясняет искусственно создаваемым отчуждением «от «коренного населения» России», с горечью констатируя, что представление о *чуждости* евреев сменяется «убеждением в их враждебности». Таковы рассмотренные автором «...две стадии антисемитизма; первая чревата второй» (434).

Между тем каждая из этих стадий, как показано в мемуарах, была чревата возрождением старых антисемитских мифов и их трансформацией в идеологемы, пригодные для обоснования и оправдания практики дискриминации и этноцида. *Другому*, как подсказывал Е.Г.Эткинду его опыт (принадлежит к русской культуре, он все равно оставался евреем и нес бремя еврейской судьбы), всегда легче было вновь превратиться в *чужого*, чем стать *своим*. Именно этого, на его взгляд, почему-то и не понял А.И.Солженицын, творя свой национально-исторический миф, где евреям была отведена роль *других*.

Возможно, что писатель и не вкладывал в свои слова какого-либо негативного смысла и что Е.Г.Эткинд действительно оказался «пристрастно суров к Солженицыну»¹⁴. Но вряд ли Е.Г.Эткинд мог забыть о том трагическом времени, когда, после ареста Г.А.Гуковского, он «каждую ночь ждал обыска и ареста» (457). Времени, когда «...даже слово «еврей» произносилось шепотом, как что-то непристойное или постыдное»¹⁵. Не-

уместное, на взгляд Е.Г.Эткинда, напоминание *русского писателя* о пятом пункте тех, кто взялся ему помогать, говорило не только о странной аберрации нравственного зрения (выходило, что для Солженицына он был не русским ученым, а всего лишь *евреем*), но и об утрате исторической памяти.

В.Гроссман, автор романа «Жизнь и судьба», был назван *писателем еврейской судьбы*: «Я думаю, нельзя сомневаться, что этот роман не был бы написан, не перенеси Гроссман ударов судьбы, которые выпали ему именно как еврею»¹⁶. Неукорененность русского писателя В. Гроссмана в еврейской цивилизации не отменяла наличие у него обостренного чувства национального достоинства. В высшей степени оно было свойственно и Е.Г.Эткинду. Сравнивая свою судьбу с судьбой В.Клемперера, он имел все основания видеть в себе ученого еврейской судьбы¹⁷. Не русского советского ученого еврейского происхождения, как принято было писать в справочно-энциклопедических изданиях¹⁸, но русского ученого – ученого еврейской судьбы.

¹³ Ср. характерное признание автора, не освободившегося тогда еще от иллюзий по поводу сущности дела: «Я еще не понимал, что никакие доводы меня спасти не могут, потому что судьба Эткинда решена заранее, и провинность его, как и других космополитов, не в тех или иных утверждениях, а в том, что он – еврей» (136). Еврей был виновен по определению, так что даже *признать* собственную вину от него не требовалось.

¹⁴ Лурье С. О «Барселонской прозе» // Эткинд Е.Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. – СПб.: 2001. – С. 479.

¹⁵ Маркиш Ш. Бабель и другие... – С. 218.

¹⁶ Там же. – С. 99.

¹⁷ Ср. название его очерка: «Две еврейские судьбы (Читая дневники Виктора Клемперера)» (442).

¹⁸ Сын Б.О.Кормана вспоминает, как отец пародировал стиль заметок в «Краткой литературной энциклопедии»: «Рус. сов. уч. евр. прсх.» (Корман И.Б. О чем он молчал. Из воспоминаний // Вестник Удмуртского ун-та. Спец. вып. Филология. Труды и дни проф. Б.О.Кормана. – Ижевск: 1997. – С. 37).

E.G.ETKIND AND HIS «BARCELONIAN PROSE»

© 2012 V.S.Krivosos^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article is devoted to the author's analysis of the comment of A.I.Solzhenitsina on E.G.Etkinda's autobiographical short story.

Keywords: the West-European literature, incomplete «Barcelonian Prose» E.G.Etkinda.

^o Vladislav Shaevich Krivosos, Doctor of Philology, Professor. E-mail: vkrivosos@gmail.com